

**Константин
ГНЕТНЕВ**

г. Петрозаводск

*То не казак, шо поборов,
а той, шо вывернувся.
(Старинная казацкая поговорка)*

Часть первая
ЭКСКУРСИЯ
С ОСОБЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ

ПЛАСТУН

ПОВЕСТЬ

1

Владимира Семёновича Машковско-го вызвали на службу на неделю раньше срока, но он только обрадовался этому. За несколько дней, что прожил дома, он успел сделать звонок бывшим однокурсникам и знакомым, побродить по улицам и заскучать.

Он неторопливо собрался и решил, что не станет брать машину: времени хватало дойти пешком. Машковский вышел на короткий, как воробьиный скок, Романов переулок, повернул налево на Воздвиженку, и вот уже широкая Моховая в потоке машин. Напротив, за Моховой, всё так же темнел вечнозелёный Александровский сад, и Кремль во всей своей державной мощи высится над куполами деревьев.

Привычная с раннего детства, но от того не менее волнительная панорама...

Кажется, Москва бурлит и брызжет молодой энергией. Плакаты вождей, лозунги и призывы, в кинотеатрах весёлые комедии, из репродукторов с утра до ночи гремят марши и хор Пятницкого: «А в деревне – там веселье и краса, и завидуют деревне небеса...»

Но он поймал себя на том, что успел отвыкнуть от этой яркости, от такого вот нарочитого, как ему казалось, оптимизма. Нешумный, сосредоточенно-деловой и даже несколько скучноватый стиль Стокгольма ему более приятен: там невозможно представить себе атмосферу, которая только возбуждает и навязчиво вторгается в личную сферу.

Машковский успел почувствовать раз-

ницу. Почти три года он прожил за границей, занимаясь закупками металла для промышленности СССР. Однако главным занятием в стокгольмском представительстве Внешторга была не торговля, а разведка. Машковский служил в иностранном отделе Главного управления государственной безопасности НКВД и теперь шел на Лубянку.

– Не расстроился, что раньше времени сдёрнул? – Начальник отдела Слуцкий, перетянутый ремнями вдоль и поперёк широкого живота и с ромбами старшего майора в петлицах, широко улыбнулся и жестом пригласил присесть поближе. – Ну, извини, Володя, я потерю компенсую. Не пожалеешь.

На просторном столе чисто, и только папочка с его отчётом сиротливо лежит на самом краю. Машковский понял, что отчёт внимательно прочитан и, видимо, не один раз – уголки закладок торчали тут и там. Он не был начинающим сотрудником и хорошо знал, что отчёты вернувшихся из командировок немало попутешествуют по столам. Их читают очень пристрастно. А потом предстоит обязательная и долгая беседа. Знал он и другое: время для такого разговора не настало. Так зачем он тогда понадобился?

– Ну, как Москва? Скушно, небось, в этих стокгольмах, тоска смертная! А настоящая жизнь – вот она где! Страна бурлит: рекорды, подвиги, герои рождаются каждый день!

Начальник жестом показал на окно и возбуждённо прошелся по кабинету. Потом вернулся в кресло и придвинул к себе его папочку.

– Но я о другом. Ты же знаешь, будем изучать, думать, советовать, – он кивнул на отчёт и продолжил. – Ты тут хороших идей накидал, думаю, руководству понравится. Разговаривать о твоей работе станем потом. А сейчас вот такое необычное предложение, послушай...

И Машковский услышал историю сотрудника ИНО, работавшего с хорошим результатом, но потом оказавшегося предателем-перевертышем, избалованного с помощью близкого друга. Теперь бывший чекист строит канал. А недавно озадачил бывшее начальство странным письмом...

– Веры гаду, конечно, нет никакой. Злобится, на честных сотрудников клеветает. По-хорошему надо бы ему оговор припаять да срок накинуть, только руководство управления посчитало нужным вначале проверить. А с руководством спорить, сам знаешь. На, почитай...

Машковский взял лист плохой, испачканной чем-то бумаги и прочёл: «НКВД СССР, государственному комиссару безопасности... находясь в жутких условиях, среди уголовного элемента... я всю свою жизнь отдал... и лично тов. Сталину...

готов доказать... мною выявлена группа врагов... грабежи и убийства с целью завладеть... готов способствовать возвращению... надеюсь на снисхождение...»

Машковский положил листок на стол:

– Товарищ старший майор, извините, но мне кажется, это не нашего профиля дело. При чём тут разведка?

Слуцкий нахмурился и встал:

– Прежде всего мы большевики, а большевикам есть дело до всего, что против партии и народа. Это главное. Во-вторых, мы не хотим давать делу официального хода. О письме знают трое: начальник управления, я и теперь ты. Ты в отпуске. Понимаешь?

Слуцкий поднялся, поскрипел ремнями, прошелся по кабинету от стола к большой карте на стене и снова к столу. Помолчав, добавил доверительным тоном:

– Мы с товарищем комиссаром второго ранга подумали и решили, что именно тебе нужно съездить и посмотреть великую стройку, а то когда ещё доведётся. Расскажешь за границей, как мы умеем работать. Официально едешь с обычной инспекцией. Временем не ограничиваю. Да, вот ещё...

Слуцкий выдвинул ящик стола, достал несколько бумаг.

– Вот карта района – запросил в ГУЛАГе. Видишь, трасса, здесь штаб и лагерь, о котором идёт речь. В Медвежьей Горе не выходи, там начальство, церемонии, обеды, расспросы, ещё увяжется кто-нибудь. Выйдешь на 14-м разъезде. Дам шифровку, тебя встретят. Отъезд завтра.

Вторую бумагу на бланке НКВД СССР тоже протянул Машковскому:

– Действуй, Владимир Семёнович, тихо, не светись, этому тебя учить не нужно. Вот документ для особых полномочий. Чтоб не звонить, не советовать ни с кем. Задание больше чем чрезвычайное, и полномочия твои границ не имеют.

– Так ведь завтра 1 Мая, товарищ старший майор, – начал было Машковский. – Отец обещал на праздник прибыть.

– Про отца знаю. Он поймёт. Передавай ему большевистский привет. А отпразднуем, когда вернёшься с успехом, я обещаю.

Уже в дверях, придержав Машковского за локоть и глядя прямо в глаза, начальник сказал главное, о чём Машковский уже начал догадываться сам:

– Помни: нас интересует только ящик. Ящик! – повторил он жестко. – И чтоб не осталось никого, кто бы о нём знал!

2

Понимал ли Машковский, что поручение из категории грязных? Отдавал ли отчёт, чем оно может обернуться для него самого? Вероятно, да. Не раз и даже не два на службе ему напоминали ленинские слова про белые перчатки. «Что ж, в каждой работе есть своё помойное ведро, которое нужно кому-то выносить», – решил он.

На выходе Машковский столкнулся с бывшим однокурсником Павлом Суржицким. В органы из института их взяли вместе, но Павел попал в центральный аппарат и уже сделал карьеру, стал замначотдела.

– О-о-о, какой у нас редкий гость! – улыбнулся Паша, оттирая друга к стене вестибюля. – Надолго?

– Завтра на поезд и ту-ту в сторону севера.

– Куда именно, если можно?

– На Беломорканал, второе отделение.

– Тебе-то что там делать?

– Начальству виднее. Вот командировку получил, иду собираться.

– Хотя, может, это и к лучшему, – помрачнел Павел. – Ты ведь не знаешь, что у нас происходит? Нашим ребятам уже и спать некогда. Сам идёшь на службу и не ведаешь, что там тебя ждёт. Ну да ладно! Привет отцу! Славный у тебя дед! Помнишь, как, бывало, мы у вас гуляли, а он всё шутил? Другой бы выгнал, а он: «Ребятки, может, ещё попоём? Времени-то всего полтретьего ночи».

Машковский неторопливо шел по Лубянской площади в сторону Моховой. Асфальт блестел на ярком весеннем солнце. Свежий ветерок холодил виски, напоминая о вчерашней зиме. Но отделиться от мыслей о письме никак не удавалось. Вспомнились неровные строки, писанные, вероятно, втайне, при свете коптилки, в уголке барака, занавешенного старым одеялом.

«Как же он его отправил? – неожиданно подумалось Машковскому. – По правилам, оно не должно было выйти за лагерный периметр...»

Неведомый ему пока бывший разведчик сообщал, что работает в УРЧ второго Отделения Беломорского лагеря, «сидит на распределении рабсилы». Строительство на трассе канала подходит к концу. Карельская республика занимается переселением жителей из деревень, подлежащих затоплению. По просьбе гражданских властей руководство отделения строительства ежедневно отправляет на помощь группу заключённых из четырёх человек. С некоторых пор он стал замечать, что каждое утро на разводе прикомандированный чекист отбирает одних и тех же людей: двух бывших сотрудников НКВД, ранее служивших на транспорте и

судимых за хищения и мародёрство, и двух бывших милиционеров, осуждённых за бандитизм.

Автор сообщал, что с некоторых пор члены группы, прикомандированные к сотрудникам Переселенческого управления Карельского Совнаркома, стали вести себя вызывающе, «стабунились в злую стаю», которая «сама себе на уме». И тогда он провёл собственное расследование. Результат озадачил. В течение нескольких месяцев группа фактически грабит переселенцев. Деревни староверческие, у староверов старинные иконы в окладах, золотые монеты царской чеканки, много серебра и других древних ценностей. Автор письма указал даже на небольшой прочный ящик из-под какого-то морского прибора, в котором преступники хранят награбленное. При условии, что ему это зачтётся, автор обещал указать и помочь «в восстановлении законности».

– Да, кажется, я серьёзно попал в переплёт, – вздохнул Машковский. Ему вспомнился первый наставник, старый и мудрый еврей Висковский. «Молодой человек, бойтесь как огня сугубо личных заданий начальства, – говорил он. – Только глупые люди рассчитывают сделать на них карьеру. Запомните: у личных заданий не бывает успеха: в случае удачи вы ненужный свидетель, в случае неудачи личный враг».

Где теперь хитромудрый Висковский, жив ли? С его возрастом и букетом болезней не то что лагерь, следствие не пережить.

Но ничего из случившегося несколько минут назад в кабинете начальника ИНО было не отметить, не переиначить. «Ладно, разберёмся на месте», – решил Машковский и прибавил шагу. У него сегодня долгожданная встреча с отцом. Они не виделись уже полтора года.

3

Машковский боготворил отца и многому научился у него. Да и теперь во время редких встреч продолжал жадно впитывать отцовский опыт. Ему импонировали стиль ведения беседы, её неторопливость, манера направлять мысль собеседника при кажущейся незаинтересованной отстранённости. Машковского-младшего поражала манера отца построить беседу так, что собеседник не только сам выкладывал нужную информацию, но еще изо всех сил старался доказать точность сказанного, настаивал, убеждал, приводя всё новые и новые дополнительные факты.

Он уважал отца и за то, что он, мальчишка из бедной многодетной семьи из киевского пред-

местья, всего добился сам. Для младшего Машковского подобное имело особую цену: почти все его сверстники оказывались детьми тех, кого вытянули из провинции с помощью каких-то запутанных и тёмных связей.

В семье Машковских не так. Умом и упорством отца он живёт в большой квартире в центре Москвы и в любой момент может съездить на круглогодичную двухэтажную дачу в Серебряном Бору, где провёл первые счастливые годы. Именно отцу он обязан весёлым отрочеством среди обеспеченных и не знающих житейских тягот сверстников и отличной школой, куда принимали далеко не всех и по окончании которой он свободно говорил на двух языках. Третий язык он выучил за два с половиной курса МВТУ, откуда и попал на службу. И сейчас, кое-что постигший самостоятельно, видел в отце ценного советчика и опору.

Отец возглавлял торговое представительство в Берлине и был членом Коллегии Наркомвнешторга, часто наезжая по делам в Москву. Жил он совсем рядом, на улице Грановского, с молодой женой, аспиранткой-химиком. Первая жена, мама Машковского-младшего, во время первой волны партчинок не выдержала, сорвалась и тяжело заболела нервной болезнью, непонятной даже врачам их закрытой поликлиники. Отец возил её и по другим врачам, снабжал дорогими заграничными лекарствами, устраивал в лучшие санатории. Мама не поправлялась. И тогда он оставил жену в доме, где жили старые большевики и большевички, ветераны революции, под постоянный присмотр докторов. Машковский-младший понял, что большего для мамы отец сделать не мог. Понял и не осудил.

Он взял в магазине бутылку «Столичной», копчёной колбасы, банку шпрот и триста граммов нарезанного тонкими прозрачными ломтиками сыра. В магазине его знали. Здесь получали продуктовые заказы, «отоваривались» все обитатели близлежащих улиц, так называемые «прикреплённые».

– Ну, здравствуй, здравствуй! Да подожди ты, спину сломаешь, медведь! – отец шуточно отстранился от сына и протянул пакеты: – Отнеси-ка на стол, я пока разденусь.

Семёну Яковлевичу Машковскому едва перевалило за сорок, и, как многие в этом возрасте, он начал входить в тело, крупнеть. Безупречный костюм, галстук, седеющая голова в ёжике волос, уверенная неторопливость жестов... Всё выдавало в отце европейскую повадку. «С таким садиться на переговоры – не дай бог, – мелькнула мысль у Машковского-младшего. – Сможет подчинить своей воле любого партнёра».

Сын с отцом сели за стол, налили из графинчика и выпили. Потом налили ещё.

– Успел встретиться с кем-нибудь из знакомых здесь? – спросил отец.

– Только с Толиком Незнанским и вчера на улице с Сашей Кольцовой. Да по телефону поговорил. Толя в армии, командует полком, а Саша дома, у неё в семье проблемы.

– Да, проблемы сейчас не только у Саши, – глухо проговорил Машковский-старший. – Ты бы не очень активничал в восстановлении старых знакомств. Не нужно этого пока, несвоевременно.

– Теперь и не придётся. Завтра уезжаю на Беломорканал с небольшим поручением. Сегодня приглашали к начальству.

– Досадно. Как раз завтра я хотел с тобой к маме выехать. Уже и машину заказал.

Они выпили ещё, неторопливо закусили. Каждому хотелось, как это бывало раньше, в пору, когда Машковский-младший был школьником или студентом, совершенно свободно поговорить о жите-бытье и друзьях-товарищах, обсудить политические проблемы, поспорить об экономическом курсе страны. Но каждый понимал, что теперь это невозможно. Даже им. Даже сидя вот так – наедине, друг против друга.

– С утра заехал в наркомат, – начал отец, – посмотрел бумаги к Коллегии. Вижу, у вас тоже проблема переplat по сделкам. Собираются вызвать торгпреда, будут бить.

– К сожалению, этого не избежать, папа. Сам знаешь. На нас постоянно давят наркоматы: «Давай металлопрокат! Давай трубы большого диаметра! Давай оборудование для заводов! Пятилетка требует!» Мы же платим наличными неспособны. Вот и берём контракты только там, где дают кредит, и, разумеется, переплачиваем.

– Какой примерно объём переplat у вас?

– По некоторым контрактам от 30 до 40 процентов.

Они снова помолчали. Машковскому-младшему хотелось напомнить и о другой причине переplat, но он сдерживался, сомневался: поймёт ли отец, ведь она коренилась в Москве. Отец это заметил:

– Говори, мы ведь не на заседании партбюро.

– Вёл один большой контракт и вижу, что курс доллара нестабильный. Сделал предложение изменить формулировку условий расчёта, то есть вывести формулу в долларах заменить оплатой векселями в марках с перерасчётом по курсу дня. Партнёр принял, торгпред советуется с Наркомвнешторгом, а нам ответ: «предложение отклонено». Когда пришла пора делать платежи, доллар упал, и мы крупно потеряли.

– Знаю. Знаю, и более того. У нас сегодня выс-

шее начальство, сынок, это не проблема, это беда. Но оно поставлено партией, лично товарищем Сталиным. Он осуществляет кадровую политику. Как мы можем сомневаться?

Графинчик заметно опустел, и синеватый сумрак тихо опустился на оконные стёкла. Молодая аспирантка-химик, вероятно, вернулась с занятий и ждала отца в небольшом уютном гнёздышке на улице Грановского. Пора была прощаться.

– У тебя тут по-холостяцки пустовато, – шуточно сказал отец, стоя в дверях в пальто и шляпе. – На, хоть этим семейным атрибутом дом украсишь.

Он протянул сыну небольшой свёрток.

– Как только станет возможно, дай о себе знать. И будь аккуратен. Очень прошу тебя, Володенька, будь предельно аккуратен. Ты же знаешь, что происходит. Хорошо?

Они обнялись на прощанье.

И от того, что он назвал его Володенька, как называл, может быть, раза два-три за всё время, пока он помнил себя сыном, тонкой горьковатой ноткой защемило сердце. «Будто прощается навсегда», – подумал Машковский-младший.

Оставшись один, он развернул свёрток. В мягкой шелковистой бумаге лежал обычный перекидной календарь, такой, что всегда висел у них дома на кухне. На самом деле, какой приятный подарок! Он взял нож и на разделочной доске отрезал первые четыре месяца. Но чуть-чуть не рассчитал. Последний листочек, на сегодняшний день, оказался сильно надрезанным и висел некрасиво, левым углом книзу. Машковский-младший подумал и оторвал листок совсем. Он укрепил календарь на стене, отступил на шаг и полюбовался праздничной картинкой. На листке завтрашнего дня ярко значилось: 1 мая 1933 года.

Часть вторая

ОТДЕЛЕНИЕ НОМЕР ДВА

1

Чем дальше поезд бежал на Север, тем ниже деревья за вагонным окном, тем беднее и суrowее пейзаж. Мелко дребезжала ложечка в пустом стакане, стывшим воздухом вело из щели в раме. Машковский не замечал этого. Мыслями он был там, откуда совсем недавно приехал, в городе, который полюбил, которым восхищался.

*...Зачем он мне снился, смятенный, нестройный,
Рожденный из глубин не наших времен,*

*Тот сон о Стокгольме, такой беспокойный,
Такой уж почти и нерадостный сон...*

«Как Гумилёв угадал мои мысли, – удивлялся он. – Как чудно у него и здесь»:

*«О Боже, – вскричал я в тревоге, – что, если
Страна эта истинно родина мне?
Не здесь ли любил я и умер не здесь ли,
В зеленой и солнечной этой стране?»*

Он вспоминал любимое место прогулок по набережной Штротгатен. Спокойная вода в каменных берегах, невысокое северное небо – мир, рождающий особое настроение, почему-то очень близкий его душе. Он неспешно шел мимо Оперы к Национальному музею, затем поворачивал направо к Королевскому дворцу через массивный и тяжелый мост. Вспомнился ему и парк Скансен, – в пустынных аллеях острова Юргарден так легко затеряться для чужих глаз и тихо поговорить с тайными помощниками.

Когда надоедало снова и снова проходить милые сердцу уголки Стокгольма, он пытался представить бывшего коллегу и нынешнего каналаармейца из лагерного УРЧ. Интересно, думал он, удалось ли ему сохранить выучку, без которой за границу работать не пускают? Или теперь это обычный заключённый, в рваном бушлате и в сбитых о камни сапогах второго срока носки?

Само дело не представлялось Машковскому сложным. Арестовать негодяев к чёртовой матери, вытряхнуть из них этот ящик и отдать под суд, да так, чтоб лишить всех надежд на волю. Машковский знал, что на Беломорстрое есть свой суд, так называемая выездная сессия Верховуда Карельской республики, и даже прокурор свой. Потребую, пусть в 24 часа укатают голубчиков. Только вот с бывшим коллегой что делать? Знает ведь всё. Этого он пока придумать не мог.

Поезд шел, как казалось Машковскому, очень долго. Вот уже во второй раз опустились за окном синие сумерки. Сумерки сгустились, да так и не перешли в тугую черноту позднего вечера. Он вспомнил читанное где-то, что здесь, на Севере, с началом лета и до самой осени ночи вообще не бывает.

И так ехал он, всматриваясь в теряющуюся в полутьме картинку за окном и ожидая полустанка с нехитрым названием «14-й разъезд», где ему надлежало сходить. Если бы знал он, что в эти минуты в уютной квартирке на улице Грановского творится страшное, наверное, остановил поезд и побежал по шпалам назад, крича о несправедливости и требуя остановиться. Но он ничего не

знал. Даже не чувствовал никакой тяжести на душе. Просто смотрел и смотрел в окно.

Машковского-старшего арестовали не сразу после заседания Коллегии, а вечером, спустя примерно два часа. Почему случилось именно так, спросить было не у кого.

Он вернулся к молодой жене, и она, счастливая от того, что муж наконец дома и что обещал быть до конца недели, быстренько накрыла стол. Они поужинали, даже выпили по рюмке хорошего коньяка, и им было отчего-то весело. Так же легко, будто о забавном происшествии, он рассказал о своём выступлении, что поначалу сдерживался, мучился, а потом всё-таки решился. И как Коллегия настороженно притихла, слушая его тяжёлые слова. А речь была на тему, которую они с сыном вскользь затронули накануне, о негибкости и даже известной косности руководящего звена.

Вышло так, что зимой Машковский в Берлине получил задание расторгнуть договор на поставку одной фирме железной руды. Контракт стал не нужен ни нам (в СССР резко вырос объём выплавки чугуна), ни фирме, которая из-за кризиса без того оказалась завалена рудой. Из Москвы требовали ликвидировать контракт немедленно, даже если придётся заплатить отступные. Но отступные-то могли составить от 500 тысяч до миллиона рублей!

Машковский сознательно затянул переговоры. Из Москвы бомбардировали торгпредство телеграммами и грозили судом. Но он держал паузу до тех пор, пока не вынудил-таки инициировать расторжение контракта саму фирму, а затем ещё выплатить нам в качестве отступного миллион рублей золотом...

На этом примере Машковский потребовал расширить полномочия представительств на местах, заменить в руководстве людей безынициативных и вообще больше доверять специалистам. И вроде больше ничего не говорил, но и этого оказалось достаточно. «Ошибка, безусловно, ошибка, – сказал в дверях на прощание разом потерявшейся и испуганной жене. – Успокойся, дорогая, скоро разберутся, и я вернусь».

Никакого перрона или даже площадки для пассажиров на 14-м разъезде не оказалось. Машковский спрыгнул в темноту и чуть было не упал, поскользнувшись на ледяной корке. Поезд сразу ушел, и в свете фонаря у будки дежурного Машковский заметил двух человек. Один сворачивал в рулончик сигнальный флажок, второй скорым шагом приближался.

– Товарищ Машковский? – спросил второй. Он был в длинной шинели без ремня, на фуражке тускло рдела звездочка. – Сотрудник НКВД Никольский, уполномоченный второго Отделения. Приказано встретить и обеспечить вашу работу.

– Кто ещё знает о моём приезде? – спросил Машковский.

– Никто.

– Никто и не должен знать, – жестко сказал Машковский. – Отвечаете за это лично.

Они миновали будку дежурного, прошли за разъезд. Через несколько десятков метров Машковский обнаружил второй железнодорожный путь, уходящий от «мурманки» к востоку, в абсолютную темноту леса. На путях под парами стояла небольшая дрезина-мотовоз. Чекист Никольский помог Машковскому взобраться в кабину, машинист толкнул рычаг, и снова надоедливо застучали на стыках колесные пары.

– Потерпите с часок, – извиняющимся тоном сказал Никольский. – К ночи будем на месте.

Комнатка в штабном бараке оказалась по-своему уютной и жарко натопленной. Окно в белой занавеске, на бревенчатых стенах несколько суровых северных пейзажей в рамках. На пейзажах высокое небо, островерхие ели, валуны и реки в бурунах пены. Работы выдавали руку твёрдую, уверенную, хотя и непрофессиональную. «Для любителя неплохо», – решил Машковский.

Стрелки ходиков показывали второй час ночи. Хотелось есть, но где теперь найдёшь еды? Он собирался укладываться, когда в дверь постучали. На пороге стоял немолодой мужчина в полувоенной одежде. Спокойный и строгий взгляд, доброжелательная улыбка. За его спиной Машковский заметил чекиста Никольского с корзиной в руках.

– Разрешите, товарищ Машковский?

Мужчина вошел и представился:

– Начальник второго Отделения Беломорстроя Афанасьев Григорий Давыдович. Мы подумали, что с дороги вам необходимо перекусить, и решили предложить кое-что на первый случай. А с утра милости просим в столовую комсостава, она тут недалеко.

Никольский внёс корзину и поставил на табурет у стола.

– Товарищ Никольский, вероятно, забыл о моём приказе, – жестко начал Машковский. – Мне повторить или сразу вас арестовать?

Афанасьев сразу понял причину раздражения московского проверяющего и попытался успокоить:

– Извините, товарищ Машковский. Дело в том, что без меня в Отделении не происходит ничего:

не выходят на линию дрезины, не открываются никакие двери, лопатой без меня никто не копнёт. Я здесь хозяин.

– Хозяин у нас один – советское правительство. Правительство работает под руководством партии большевиков, а главным орудием его является грозный, но справедливый НКВД. А кто вы? Бывший вредитель, преступник, которому мы позволили честным трудом оправдаться перед народом. Не забывайте, гражданин Афанасьев!

В комнате приезжих повисла тяжёлая, томительная тишина. Ни местный чекист, ни начальник Отделения, от мановения пальца которого зависели судьбы почти двадцати тысяч человек, явно не ожидали такого оборота дела.

Машковский продолжал всё таким же жестким тоном:

– Ставлю вас в известность, что я являюсь представителем Главного управления государственной безопасности, а не ГУЛАГа, и у меня особые полномочия. Обо мне никому никуда не докладывать и впредь подобных визитов не наносить. К двери поставить часового. Я сам приду, когда и куда потребуется. Мои приказы обязательны для всех без исключения. Можете быть свободны.

В корзине Машковский нашел добрый шмат сала, копчёную колбасу, баночку икры и даже бутылку армянского коньяка. Выпив из хрустальной рюмочки, предусмотрительно завернутой в чистую холстинку, и наскоро закусив, Машковский лёг спать. И прежде чем сморил его сон, успел подумать с удивлением: «А неплохо они тут устроились!»

2

Утром его разбудил грохот за дверью. Машковский проснулся, вспомнил, что он на Беломорканале, и прислушался к перебранке за дверью.

– Ты что же, падла, шумишь ни свет ни заря, людей зазря будишь?

Голос в ответ простуженно бубнил что-то невразумительное. Первый голос, исполненный начальственных ноток, видимо, принадлежал часовому.

– Забурел совсем при штабе, собака, распоясался. Если забыл про котлован, мы тебе напомним...

Голос продолжал угрожающе гудеть. В ответ слышалось что-то непонятное. Машковский догадался, что заключённый истопник принёс охапку дров и неловко грохнул у печи. И теперь получает выволочку от такого же заключённого, но вохровца. А вохровец-заключённый, как ни пос-

мотри, начальник. У него винтовка со штыком, а паёк с одёжкой совсем другие.

У штабного крыльца Машковского ждал Никольский. На поводу он держал рослого жеребца. Ещё один жеребец стоял рядом, привязанный к перильцам.

– У нас, товарищ Машковский, извините, автомобиль нету. Ездим верхами. Вы как, справитесь?

Машковский отвязал поводья и прямо с нижней ступеньки в один мах впечатался в седло. Лошадей он знал и любил. В юности отец отвёл его в секцию при центральном ипподроме, и два года Владимир буквально жил там, с досадой уходя по вечерам домой и с радостью возвращаясь в конюшни после учёбы. «Лошади – утеха аристократов», – любил повторять отец на упрёки матери, что ипподром мешает сыну заниматься.

– Поедем, Никольский, посмотрим, что тут у вас.

Они выехали из городка на дорогу, что вела на восток. В нескольких сотнях метров виднелся первый котлован – узкий и длинный. Мелькнули бараки с пологими крышами, почти касающимися земли и крытыми дранкой, за ними здание столовой. Поодаль он заметил неказистый домик с кучами черного антрацита рядом и дымящей трубой, широкой и чёрной, каких не бывает у обычных зданий. Возле домика, опершись грудью на палку, стоял заключённый. Был он невысок, в затрапезном бушлате, голову украшала меховая шапка наподобие папахи, и смотрел исподлобья.

– Наша кузня, – заметив интерес Машковского, отозвался Никольский. – А то кузнец при ей. Беляк, у Юденича служил.

Машковскому показалось, что кузнец смотрит не так, как смотрят здесь все, – равнодушно и покорно. Он увидел напряжение и даже вызов. «Затаился, как волк, злобится, – мелькнула недобрая мысль. – Не перековался ещё».

И этот случайно пришедший образ: «не перековавшийся кузнец» своей парадоксальностью прибавил Машковскому настроения. Он улыбнулся, вжал каблуки в лошадиные бока и поскакал к котловану, в котором копошились десятки маленьких серых фигурок.

...Словно удар саблей, прямой и точный, рассёкший земную твердь, представился ему Беломорский канал. И если здесь, неподалёку от лагерного городка, чёрный парящийся шрам составил не более двухсот-трёхсот метров, то к югу он тянулся и тянулся на километры. Был он ровен, гладок и глубокий, с отвесными каменными стенами. И удивительно было, что слабыми человеческими руками можно прорубить такое в голой скале.

– 165-й канал, – показал рукой Никольский. – Сто дней пластались день и ночь, а на днях кончили. Сам Нафталий Аронович хвалил.

Машковскому хотелось спросить, кто таков этот Нафталий Аронович, мнение которого так много значит, но не стал. Узнаю и так, если будет нужно, решил он.

– Кончаем канал, – продолжал Никольский. – Кое-где дамбы и водоспуски укрепят, и будем пускать воду. Да и половодье скоро. Морозы совсем отдали, как её удержишь, воду-то.

– А что с деревнями в заливной зоне?

Никольский ответил не сразу. То, что этот московский хлыщ осведомлён больше, чем ожидалось, он успел заметить ещё вчера. А теперь, вишь, подбирается туда, где жарко. Нужно быть повнимательнее, решил чекист. Кто знает, с чем он в нашу тьмутаракань прикатил.

– Деревни не по нашей части. Ими занимается власть гражданская, люди от карельского правительства. Занимаются плохо, доложу я вам, опаздывают.

– В чём же причина?

– А в местных, – неожиданно зло ответил Никольский. – Там же кто, староверы, скрытые враги советской власти. Позарывали богатство и сидят – тронуть их не смей. Мол, царь Пётр не тронул и вы не моги! Да и Бог не попустит, чтоб вода до домов поднялась.

– Вода точно поднимется?

– Поднимется, и, как говорится, концы в воду. А мы поможем...

«Вот с него-то мне бы и начать, – подумал Машковский. – Но нельзя, могу спугнуть. Обрубит концы разом. Терпение и ещё раз терпение».

3

Для беседы с информатором он выбрал время позднее, самый конец рабочего дня. Машковский знал, что бывшего сотрудника центрального аппарата ГУГБ зовут Станислав Малашицкий и что в заключении он с 1930 года по обвинению в измене Родине, а также в пособничестве сотрудникам Внешторга в побеге за границу. УРЧ занимала большую комнату в штабном бараке. К ней примыкала комната поменьше, для начальника. Начальник мог выйти к сотрудникам, а мог и в коридор: вторая дверь вела к выходу, минуя стол секретаря.

Машковский чуть приоткрыл дверь. В щель он увидел тускло освещённую комнату, уставленную столами и шкафами, папки в которые заталкивали, видно, коленями, настолько они были переполнены. Два усталых человека сидели, пригнув

головы к бумагам и пытаясь что-то различить.

Малашицкого узнал сразу, хотя и не видел никогда: худенький, интеллигентного вида очкарик, типичная конторская крыса, в которой не заподозришь не то что разведчика, а сколько-нибудь самостоятельную человеческую единицу вообще. «Идеальный тип», – подумал Машковский. Он тихо вошёл и кивком показал второму сотруднику на выход. Тот понял и тихонько выскользнул за дверь.

– Здравствуйте, Малашицкий!

Малашицкий вздрогнул, в глазах мелькнул ужас. Он вскочил со стула и минуту-другую молчал, пытаясь собраться и понять, кому он понадобился в столь поздний час и что это за незнакомец перед ним. Наконец собрался и ответил слабым голосом:

– Здравствуйте, гражданин начальник. А как вы узнали, то есть я хотел... Мы разве знакомы?

– В этом нет нужды. Я сотрудник Главного управления госбезопасности Машковский. Прибыл разобраться с вашим письмом.

Машковский никак не ожидал того, что последовало дальше. Из глаз Малашицкого брызнули слёзы, он зарыдал, упал грудью на стол и несколько минут плакал навзрыд, уткнувшись лицом в кулаки и сотрясаясь плечами. Машковский налил воды из мутного графина на подоконнике и велел выпить.

– Возьмите себя в руки, – сказал строго. – Мне ещё самодеятельного драмтеатра не хватало.

Малашицкий выпил воды, вытер слёзы мятым и когда-то белым платком и успокоился:

– Простите меня, я, право, не ожидал. Чем могу служить?

– Сядьте для начала, – указал Машковский на стул. – Разговор у нас долгий.

Постоянно останавливаясь, чтобы перевести дыхание и промокнуть глаза платком, Малашицкий поведал печальную историю своей жизни. Три года назад количество невозвращенцев во Внешторге превысило все мыслимые пределы. Разумеется, стали искать не причины, а виноватого. И нашли. Он курировал несколько европейских представительств, проверял кадры. Он и ответил.

– Но я не виноват, – лепетал Малашицкий, и слёзы лились из его глаз. – Внешторговцев загоняли в угол – не давали валюты, сдерживали инициативу и гнали, гнали, гнали заданиями: «Стране нужны машины и оборудование! Даёшь прокат!» Но была и другая причина...

Малашицкий замолчал, подбирая слова.

– Ну, так какая же?

– Почти у всех, кто сбежал из СССР, Отечеством была не Россия, а весь мир.

Машковский понял. Глухая волна негодования поднялась в душе, но он сдержался.

«Каков, однако, негодяй, – подумал он. – Мы с отцом и матерью... А он!»

Ему стало ясно, что Малашицкий вконец сломлен тремя годами лагеря. На Соловках поработал на общих работах, где-то на торфяниках, надорвался. Когда с материка пришли бумаги, тамошняя УРЧ (учётно-распределительная часть) учла прежнюю специальность. На Беломорканале тачки избежал, но окружение из угольников и бытовиков и сам статус всеми презираемого и понукаемого заключенного превратили московского кабинетного интеллигента аналитика в тряпку.

– Давайте ближе к делу, – попросил Машковский.

Однако он уже понял, что едва ли сможет добиться чего-либо стоящего сегодня. Зря взял жесткий тон. Информатор совсем растерялся и расчувствовался. Ему грезится скорое освобождение, раз письмо дошло и заинтересовало, и он теперь сможет быть полезным прежней службе. «Зачтётся, да, непременно, непременно мне это зачтётся! – читал Машковский в глазах собеседника. – И, может быть, этот человек освободит меня от мучений, которых переносить я более не в силах...»

Малашицкий взял карандаш и дрожащей рукой вывел на листке четыре фамилии.

– Вот состав группы, о которой я сообщил. Группа действует почти месяц.

– Как вам стало известно о грабежах и ящике?

– Однажды случайно стал свидетелем, как к воротам лагеря пришла женщина и стала требовать встречи с начальником. Она кричала, что староста, деревню грабят наши люди и забирают всё ценное. Женщину прогнали. Я проанализировал, кто это мог быть, ведь заключённые по деревням ходить не могут. И вышел на группу.

– А ящик?

– О нём я узнал от одного из участников группы.

– Малашицкий перегнулся через стол и карандашом черкнул крестик против одной из фамилий. – Я специально достал самогона, они крепко выпили, и вот он, – Малашицкий снова показал на крестик, – шепнул, что если я и дальше стану поставлять им водку, он сумеет меня крепко отблагодарить, мол, у них богатства целый ящик. Но ящика в лагере нет, я проверил.

– Мало ли чего может наболтать пьяный...

– Гражданин начальник, я клянусь: всё, что я сообщил, правда.

Машковский понял, что предстоит тщательная и аккуратная проверка. Первоначальный план со скорым арестом и конфискацией оказался слишком прост и явно не сбавывал.

– Завтра к вечеру подберите личные дела на всех четверых. Кроме того, составьте справку на Никольского – всё, что знаете и о чем только догадываетесь.

При упоминании чекиста Малашицкий вздрогнул и отшатнулся.

– Не нужно вздрагивать, Малашицкий. Не нужно. Да, эта женщина, она из какой деревни приехала?

– Малая Масельга. Это недалеко, километров с десятков-полтора будет, не больше. В сторону севера.

4

Под копытами жеребца громко хрустела корочка льда, наросшая на лужах с ночи, но сугробов, привычных в эту пору на Севере, на обочинах дороги уже не было. Только белая крупа. Как всегда бывает весной, выглядела она некрасиво: рябая, замусоренная лесным сором.

В этом году необычайно ранняя весна пришла в эти края. Снег согнано быстро, ручьи набухли, а строительное начальство без конца совещалось, опасаясь паводка. «В Москве про снег уже и не помнят, а тут ещё крупа белеет, куда ни глянь, – думал Машковский. – Что за страна?»

Путь предстоял долгий, и Машковский коня не гнал. Весь более-менее пригодный лес для строительства вдоль дороги выпилили. Смотреть было не на что. Ровное полотно болот слева и справа перемежалось каменистыми грядами и жиденькими борками из низких и редких деревьев.

Выехал он рано, но ни одной колонны на дороге не догнал: заключённых затемно расставили по объектам. «Как всё-таки их много», – думал Машковский. В первый же день его поразил лагерный городок с бараками на девять тысяч заключённых. Бараки стояли справа и слева от бревенчатого здания штаба, в который его поселили. А когда Никольский сказал, что к северу и югу отсюда стоят точно такие же городки, а на восток и запад другие лагеря и лесные командировки, он поразился.

«Откуда в стране появилось столько врагов? – впервые подумал об этом Машковский. – И где все эти вражи тысячи тысяч были прежде? И я, и другие честные граждане жили среди них, ездили в трамваях и метро, покупали газеты в киосках, стоя с ними в очереди. А их нужно было бояться. Они делали свои чёрные дела».

От этих мыслей становилось не по себе.

Машковский знал и другое: Беломорканал – не единственная большая стройка. Он читал в газетах о строительстве канала Москва–Волга и о начале

ударных работ на сооружении железной дороги от Байкала до Амура. «А ведь и там такие же заключённые! И там их многие тысячи! И все – враги?!»

Но ведь те, с кем он встретился на канале, и есть настоящие враги. Разве не враг Малашицкий, из-за халатности которого стране нанесён громадный ущерб? Разве не враг рядящийся под чекиста Никольский, организовавший банду? А эти бытовики – воры и грабители, заполнившие серой безликой массой бараки, – они что, не враги? А сам начальник отделения, этот туз Афанасьев, поработал на строительстве оросительных систем в Средней Азии так, что страна потеряла многие миллионы рублей...

Машковский отмахнулся от этих мыслей. «Слюнтяйство, – решил он. – Интеллигентское слюнтяйство. Прав Слуцкий, что отправил меня сюда. Всех из ИНО нужно отправлять в такую вот глубинку».

Он отвык от верховой езды и успел устать, а унылая дорога среди чахлого леса и болот всё тянулась и тянулась. Машковский мечтал добраться до Масельги и отдохнуть в деревне за самоваром у какого-нибудь словоохотливого хозяина, но ему даже никто не открыл. У первого дома Машковский привязал коня к изгороди, сложённой из горизонтальных жердей, постучал, но ему никто не ответил. В другом доме на стук шевельнулась занавеска и лёгкая тень мелькнула в глубине дома. Тишиной встретили и в других домах.

Это озадачило Машковского. «Боятся, – решил он. – Запуганы. Да и то понятно: лагеря кругом».

Судя по всему, деревня готовилась к переезду. Ряд домов, что ближе к берегу, уже разобрали. Фундаменты из камней, печные фундаменты из раскрошившихся кирпичей, брошенные кое-где дрова, поломанный инвентарь... Следы прошлой жизни наводили уныние.

В конце деревни он заметил невысокого мужичка. Тот копошился на берегу у вытаявшей из-под снега лодки, то и дело поправляя небольшой костёр с ведром на перекладине. Машковский подошел. В ведре на огне он увидел немного разогретой смолы.

– К плаванию готовитесь, – весело поприветствовал человека Машковский. – Что же, пора.

Мужичок поднял голову, внимательно осмотрел ладные сапожки незнакомца, кожаное пальто и хмуро ответил:

– Скоро мы все уплывём отсюда. Только вот пристанем куда?

– А разве не сообщили, куда вас переселят?

– Куда бы ни переселили, а всё жизни той не будет: не дома, – так же хмуро ответил мужичок. – А вы что же, гражданин хороший, разве не из переселенческого начальства? Или сразу из района?

– Из района, – ответил Машковский. – Мы переселением не занимаемся. Там другие люди есть.

– Этакую дорогу катить... Видно, дело сурьёзное.

– Мне бы старосту вашего повидать.

Мужичок внимательно посмотрел Машковскому в глаза и ответил зло:

– Дело-то, может, и есть, да только вот старосты боле нету. Припоздал ты малехо.

– Куда же староста мог деться? Тем более в такую пору, когда переселение на носу?

– Да так же вот приехал один с важным делом, и не стало старосты.

– Как это? – удивился Машковский, уже догадываясь, что могло произойти в Масельге. – Как выглядел тот, который приезжал?

– Да кто его знает? Я с ним чай не пивал. Видел из окна: приземистый такой, сытый. Хозяин...

«Никольский! – сразу узнал Машковский. – Это он...»

– Почему вы решили, что этот человек увёз старосту? Может, староста сам уехал по делам? Мало ли дел у старосты.

– А я и не говорил, что увезли, – ответил мужичок. – Никуда не увозили. Мы её потом за деревней в лесочке нашли.

«О-го-го, – подумал Машковский. – Дело-то заворачивается вовсе не шуточное. Это война. Если Никольский на убийство пошёл, значит, точно: ему есть что прятать».

– Убили?

– Да. Ножиком и прямо в сердце. Одна дырка, и нет Алевтины Матвеевны, царствие ей небесное...

– Так за что же?

– Кто его знает? Мы и сами не понимаем.

– Не может такого быть, чтоб человека убили, а в деревне не догадываются за что?

– Может, гражданин хороший. У нас всё может быть. А догадываться теперь вовсе не с руки. Нельзя нам догадываться. Можно жизни лишиться.

– В район сообщали? Там власть, милиция, следователи. Разберутся, убийцу найдут, накажут.

– Угу, – буркнул мужичок. Он долго молчал, но, видно, Машковский разбередил в душе больное, не сдержался:

– Алевтина тоже сначала в район жаловалась, но там ей быстро окорот дали. Тогда пошла прямо в лагерь, хотела начальству глаза открыть и заступу найти. Нашла...

– А на что жаловалась?

Мужичишко не ответил. Он снял ведро с огня и долго мешал смолу палкой. Смола парила, издавала резкий, но приятный запах. Иногда поднимал руки, и смола иссиня-чёрным жгутом стекала с палки обратно в ведро.

– Лодочку вон просмолю да приберу пока, – ответил он нехотя. – Как устроюсь под Надвоицами, так и за лодочкой пригребусь. Как выгозерцу без лодочки-то? Деды наши в лодочке рождались, в ней и помирали.

И он снова надолго замолчал.

Машковскому хотелось горячего чаю, хотелось сесть вольно на лавку, снять сапоги и дать ногам отдохнуть с дороги. Но он и не думал попросить об этом. Он выжидал. Знал, мужичка удалось растравить разговором, и боялся спугнуть.

И мужичишко оценил такт собеседника, мол, начальственный гонор не показывает. Ладно. Он не спеша сходил в ближайший сарай, принёс квач-холстину, намотанную на палку и перевязанную в несколько рядов жгутом. Квач был новенький, чистый. Приятно было думать, что сейчас станет обмакивать его в ведро и размазывать горячую смолу вдоль бортов, наглухо заливая щели. Сделав все приготовления, ответил:

– Обижали нас услонцы. Все дома перетрясли, мол, оружие ищем. А сами что? У меня даже отцовского Егория взяли, оклады с икон, кресты, что с Данилова привёз... Тьфу! Нету правды нонче, вот что тебе скажу. Нету!

Поздно вечером в столовой для комсостава Машковский узнал ещё одну очень неприятную новость. В конце рабочего дня сотрудника УРЧ заключённого Малашицкого срочно вызвали на объект. И там неловкий очкарик сорвался с обледенелой бровки в котлован и разбился насмерть. Кто отдавал приказание тащиться на стройку? Что было нужно штабному писарю возле котлована, этого не знал никто.

Машковский воспринял известие как тревожный звонок и для него самого. Укладываясь спать, он достал из дорожного саквояжа небольшой браунинг, с которым приехал из зарубежной командировки, вставил обойму и дослал патрон в патронник.

Часть третья

ПОБЕГ

1

Рано утром он зашел в УРЧ. Стол Малашицкого сиротливо пустовал. Машковский взял свободный стул и подсел вплотную к знакомому по первому визиту сотруднику. Тот оробел, хотел отодвинуться, но отодвигаться было некуда: в рёбра давил подоконник.

– Чем занимался вчера Малашицкий?

– Какие-то дела искал да записывал что-то, – постоянно сглатывая слюну, сказал заключённый. Он переживал ужас. Весь опыт многомесячного тюремного следствия, а потом и лагерный вопили: на него хотят повесить гибель бывшего коллеги. Заболтают, запугают! Как быть, что говорить? Караул! И панически билось сердце.

– Нашел?

– Да, да. Собрал в стопочку. Я уходил, они у него на столе оставались. Вот здесь.

– А бумага с записями?

– Он её в стол сунул. Он вечером вас ждал... вас ждал...

Машковский открыл ящик стола. Там было девственно чисто. Что, собственно, он и ожидал. Открыл другой ящик, третий...

– И куда же они делись?

Машковский говорил голосом тихим, почти ласковым. Но для интеллигента из УРЧ голос этот казался шипением кобры, готовой к броску. Он уже был в полубморочном состоянии.

– Я, я, я... утром пришел, здесь уже ничего не было. Я клянусь! Я здесь совсем ни при чём! Гражданин начальник, я вам клянусь!

Чекиста Никольского в штабе не оказалось.

– Оне взяли коня и, кажись, до объекту поехали, – сказал начальник ВОХРы. – Казалы, тильки до ужину будут.

«Ну что ж, – подумал Машковский. – Никольский уже знает о моём интересе. Даже пофамильно. Вечером буду допрашивать группу». Он приказал начальнику охраны лично доложить о возвращении с работ в лагерь четверых заключённых. И показал список Малашицкого.

2

Днём в лагерном городке тихо. Где-то далеко ещё гукают взрывы, но теперь редко. Основные работы на трассе будущего канала подошли к завершению. Машковский вышел на плац. Прибитая тысячами ног площадь одновременно служила центральной улицей и дорогой, что вела за ворота к строящемуся шлюзу и дальше направо на другой берег. В обратном направлении, к западу, дорога упиралась в старый почтовый тракт от Повенца, через Петровский Ям к Сумскому Посаду, что на Белом море.

И к Повенцу, и к Петровскому Яму шагать и шагать. И на всём этом пространстве лесов, скал и болот работают заключённые второго отделения БелБалтЛага. Тут же ютятся небольшие деревеньки. Жители деревенок очень не любят новых

хозяев. И не только за то, что уничтожают лес и по-своему перекраивают географию. В дома часто приходят люди с винтовками, становятся на постой, живут по нескольку дней, объедают и обижают. Это лагерные патрули из заключённых. Они бесконтрольны и всевластны. На них бесполезно жаловаться: объявят пособником, мол, помогал бежавшим из лагеря, и арестуют. В худшем случае сожгут дом.

А из лагеря бегут, бегут и бегут. Вот и теперь наступает время, когда начнутся побегии: снег сошел, а болота ещё проморожены с зимы, человека держат. Сейчас самое время...

Машковский узнал об этом только что, из утреннего доверительного разговора с начальником лагерной ВОХРы. В прошлой жизни этот пожилой простоватый украинец был милиционером, руководил отделом в родном селе. А когда началась массовая высылка кулаков, предупредил, помог одной-двум многодетным семьям вовремя «сховаться». Помог бы и другим, но сдал свой же заместитель. И с осени 1929 года бывший милиционер оказался на Соловках.

– А куда бегут? – поинтересовался Машковский. – Тут ведь одни болота.

– Которые поглупее, уходят на восток, в глушь. Туда не убежишь, некуда. Мы за ними и не бегаем: нехай с голоду гибнут. Которые грамотные, те всё за границу стараются – тут до Финляндской страны недалече. Только там у нас перекрыто: патрули по деревням, дрезины на железной дороге. Осенью вот сорвались трое, так мы...

– Всех удаётся перехватить?

– Нет. Бывает, что уходят. Что с ними потом в лесу, мы не знаем. Может, доберутся куда, может, утопнут в болоте или с голоду помрут. Кто их ведаёт...

Нечаянный разговор разбередил душу и всерьёз озадачил. Машковский прежде не думал, что группа может пойти «на рывок», как тут говорят. Почему бы и нет? Люди там опытные, обученные навыкам топографии. И руководитель с большими возможностями. К тому же почувствовал, что кольцо сжимается.

«Как бы не прозевать, – помрачнел Машковский. – Что скажу Слуцкому? Не учёл близость госграницы и прохлопал ящик? Тоже мне – разведчик!»

Он прошел до лагерных ворот, заглянул в караулку, чтобы ещё раз предупредить начальника охраны. Ярко светило солнце, и день выдался понастоящему весенний. Серые фигурки дежурных копошились возле столовой: двое тащили куда-то большой бак, третий колот дрова. Было смешно, как он делал это. Толкая перед собой ногами и ру-

ками, катил очередную чурку, долго её устанавливал, потом, еле-еле поднимая колун над головой, ронял его на чурку. Чурка падала набок и откатывалась в сторону. Заключенный бросал колун, обречённо брёл к чурке, и всё начиналось сначала.

Густо дымила труба кузницы, и звонко пела под молотом наковальня...

Идиллическая картинка лагерного быта не радовала Машковского. На душе было тревожно. Он понимал, что дело необходимо форсировать, но как? Ведь ему нужен ящик, а не полдесятка новых уголовных дел. Плевать ему на эти дела!

3

Украинец нашел Машковского поздно вечером.

– Оне пришли, гражданин начальник, – сообщил свистящим шепотом. – Уси явились. Ужинать не стали.

– А Никольский?

– Пошов до себя. Отдыхают.

– Всех четверых взяты под арест немедленно. Приставить усиленный караул. Никольскому не докладывать. Я буду через полчаса.

Первые минуты допроса подтвердили догадку, что о тайном следствии они предупреждены и как вести себя научены. Да, по деревням ездили – приказ руководства; да, с местным населением общались, хотя было запрещено: виноваты, готовы понести наказание; да, кое-что из вещей брали – в качестве подарков за помощь: виноваты, готовы понести... Где вещи? Пропили. И, разумеется, ни один ничего не слышал про ящик: «нам ящиков не положено»...

И так валяли эту дуру по кругу, все вчетвером.

Народ грамотный, тёртый...

Через час ввалился чекист Никольский. Явно раздосадованный, он старательно скрывал неудовольствие:

– Товарищ Машковский, Отделение строительства обязалось помогать гражданским властям Карельской республики, а вы задержали нашу группу без объяснения причин. Я был вынужден доложить в управление лагеря.

Намёк Никольского, что от него, оказывается, ожидали объяснения причин, привёл в бешенство. Но он сдержался.

– Мне нет дела до обязательств, взятых на себя Отделением строительства, – ответил он зло. – Что же касается объяснений причин, то прошу сегодня не отлучаться из городка. Мы эти причины с вами обсудим.

Перед обедом у штаба остановился автомобиль. Несколько сотрудников НКВД сопровождали полноватого мужчину в расстёгнутом кожаном пальто, из-под которого виднелась гимнастёрка, перетянутая ремнями. Они явно спешили. В сопровождении вооруженного эскорта мужчина торопливо прошел в штаб.

– Заместитель начальника Беломорско-Балтийского исправительно-трудового лагеря Кузнецов Борис Николаевич, – представился он Машковскому. И добавил: – Руководитель центрального штаба по соревнованию и ударничеству.

– Машковский Владимир Семёнович, сотрудник НКВД СССР.

– Нам сообщили, что вы ведёте работу в Отделении, о которой мы не знаем. Вы чините помехи и срываете темпы. В то же время мы ожидаем скорого паводка и напрягаем все силы...

– Вы и не должны знать о моей работе, – жестко прервал его Машковский. – И тот, кто сообщил вам о ней, будет наказан. Я представляю не ГУЛАГ, а Главное управление госбезопасности.

Машковский подал бумагу с гербом, которой снабдил его перед отъездом Слуцкий. Кузнецов взял листок и медленно стал читать. И чем ближе к концу подходило чтение, тем краснее и краснее становилось лицо.

– Извините, Владимир Семёнович, что пришлось отвлечь вас от работы, – Кузнецов вернул бумагу, и рука у него мелко дрожала. – Вы должны нас понять. Великая стройка... темпы... приказ товарища Сталина... Мы больше не станем чинить вам препятствий...

Кузнецов со свитой быстро вернулись в машину, рывкнул мотор, и компания укатила. Машковский долгим взглядом посмотрел на бледного Никольского. Лёгкая испарина выступила на висках чекиста. Он понял, что промахнулся. «Даже на обед не остались, – подумал Машковский. – Неловко дураку перед подчинёнными».

– Из лагеря не отлучаться! – приказал Никольскому.

4

Как пожалел он потом, что не арестовал отделенческого чекиста уже тогда, днём. Сколько лишних забот стоила ему эта промашка...

Поздно вечером Машковский без предупреждения вошел в кабинет Никольского. Тот сидел на корточках и сосредоточенно искал что-то в массивном сейфе. На спинке стула висела полевая сумка. Она была плотно заполнена, если не сказать – набита. Клапан оттопыривался в сторону,

рискуя вырвать замок с мясом. Чекист повернул к двери злое лицо, готовый привычно рывкнуться на входящего за бесцеремонность. При виде москковского гостя с готовностью вскочил:

– Проходите, товарищ Машковский. Я вас жду.

Кабинет немногим уступал афанасьевскому: такой же прочный и просторный стол, массивный сейф в простенке между двумя большими окнами, шкаф, кожаный диван, телефонный аппарат, карта района на стене слева. Машковский присмотрелся: карта была точно такой же, какой снабдил его в Москве Слуцкий: дороги и дорожки, реки и ручьи – подробнее и точнее карты, видимо, не было ни у кого.

Предложение присесть Машковский не принял и молча прохаживался от стены с картой до окна и обратно. Никольский убрал в сейф пузатую полевую сумку, сунул в стол бумаги со стола и приготовился к беседе. Хотя, конечно, беседы он ждал с самого утра, и не только ждал, но и готовился к ней. Он был убеждён, что того, что этот москвич успел вынюхать в Отделении, мало для серьёзного разговора и тем более для каких-либо обвинений. Но как знать... Что успел наболтать этот интеллигентный хлюпик из УРЧ? Что наговорили староверы в Масельге? Не проболтался ли кто-то из арестованной группы?

– Скажите, Никольский, как давно работает группа и почему, собственно, занимаетесь ею вы, а не начальник учётно-распределительной части?

– Работает она больше трёх недель, – с тех пор, когда стало ясно, что гражданские власти не успевают освободить от населения зону затопления. Что касается меня, то мне это поручено руководством лагеря.

– Почему всё-таки поручено вам?

– Думаю, потому, что это приграничная зона, можно ожидать засылки или внедрения вражеской агентуры. Мы собираем и отслеживаем всю информацию. У нас муха не пролетит.

– Надо полагать, в деревнях у вас есть информаторы?

– Есть.

– И в Малой Масельге?

– Да, и там.

– Тогда расскажите подробно, что сообщил информатор об убийстве старосты.

Никольский замолчал. Вопрос его явно обескуражил. Сослаться на секретность? Смешно. Какие у него могут быть секреты от этого московского зазнайки, если перед ним дрожит лагерное начальство? Соврать? Проверит, и будет ещё хуже...

– Вы же понимаете, Никольский, что вашу информацию я проверю, какая бы она ни была. Советую говорить правду.

– Информатор ничего не сообщил о старосте. Его в этот день в деревне не было. Он был отозван в район.

– Кто отозвал и зачем?

– Информатор был премирован мной за работу, и я разрешил съездить в район отовариться. Понимаете, товарищ Машковский, у нас в деревнях пока недостаточно хорошее снабжение продуктами питания. Это временно. А пока ценных работников мы стимулируем таким образом.

– В этот день в деревне видели вас. Что вы там делали?

Никольский вспотел. Он расстегнул ворот гимнастёрки, встал и открыл форточку. Свежий вечерний ветерок вошел в кабинет, шевельнул плотной занавеской.

– Это был не я, – начал было Никольский, но тут же поправился: – Я хотел сказать, что меня в тот день там не было. Я был накануне, как раз с целью премировать информатора. А в тот день... Нет, нет.

– А как быть с показаниями свидетеля?

– Он ошибся, уверяю вас. Проверьте. Он ошибся.

– Вот завтра и проверим, – сказал Машковский.

– Вместе поедем и проверим.

Всё в объяснениях Никольского выглядело гладко и правдоподобно, но именно это больше всего истораживало. Гладкая правдоподобность составляла проблему Машковского на протяжении последних лет службы в разведке. И если бы он не умел распознавать разницу между правдой и её подобием, карьера у него прервалась бы гораздо раньше. Но он научился чувствовать разницу. И теперь стало абсолютно ясно, что Никольский враг и настало время решительных действий. Но как подступиться к ящику? Где он?

– Мы располагаем достоверными сведениями, что группа занималась грабежами, а вы её покрывали. Где хранятся награбленные ценности?

Никольский молчал.

– Вы же понимаете, Никольский, что добровольная выдача может облегчить вашу вину.

Никольский молчал.

– У вас впереди ночь, Никольский, – жестко сказал Машковский. – Из штаба не выходить – я предупрежу часового. К утру подготовьте мне подробный отчёт о преступной деятельности группы и вашем участии в ней. Отдельно покажите, что и где награблено, а также место хранения ящика. И помните: каков будет отчёт, так сложится и ваша судьба.

Машковский взял у чекиста ключ и запер кабинет снаружи.

5

Разбудили его громкие голоса за дверью, а потом резкий стук. Машковский посмотрел на часы. Стрелки показывали начало седьмого. Он поднялся, накинул на плечи пальто и открыл. За дверью стоял начальник лагерной ВОХРы.

– Беда, гражданин начальник. Подымайтесь! Оне утекли уси...

– Говорите толком, – прервал Машковский. – И по порядку.

Из торопливого и путаного доклада, перемежаемого бранными словами, он понял, что среди ночи чекист Никольский стуком в дверь вызвал часового, разоружил его, связал и запер. Потом под угрозой оружия освободил группу из ШИЗО*, а охрану разоружил и также запер. Затем все с оружием вышли за ворота лагеря и исчезли. Пост охраны на воротах не был предупреждён и потому подчинился приказу Никольского. Вохровцы доложили также, что слышали звук дрезины на железнодорожной ветке.

Это была катастрофа!

Быстро, быстро, быстро – шумело в ушах. – Действовать, действовать, действовать...

– Кто предупреждён о побеге? Что предпринято?

– Выслан взвод в составе 16 бойцов. К 14-му разезду на дрезинах идут патрули с юга и севера. Мы предупредили лаготделения и лесные командировки к западу. Оне пойдут к границе, поэтому и за мурманской дорогой охрану сейчас подыдем, – там у нас и в Масельской, и в Великой Губе, и в Кармасельге посты. – Вохровец едва перевёл дух. – Изловим, дюже не тужитесь, гражданин начальник. Не первые оне...

– Любую информацию докладывать мне немедленно, – распорядился Машковский. – И ещё. Дайте команду: в случае захвата или уничтожения группы весь груз должен быть в целостности доставлен в лагерь и передан лично мне. Груз может составлять важнейшую государственную тайну. Отвечаете лично.

Машковский не мог найти себе места весь день. Он несколько раз обошел плац от восточных ворот к западным и обратно, трижды был у начальника ВОХРы, но там он явно мешал. Однажды даже почувствовалось, что слышит выстрелы – там, где должна проходить мурманская железная дорога.

Промаявшись во дворе, поднялся в кабинет Никольского. На первый взгляд, в кабинете ничего не изменилось: тот же чистый стол и запертый теперь сейф в простенке между окнами. Но, присмотревшись внимательно, обнаружил, что нет карты.

* ШИЗО – штрафной изолятор.

Место, где она висела, выделялось белизной.

«Ах, негодяй, – посетовал Машковский. – Ах, вражина! Да и я хорош. Нужно было арестовать – и в камеру. Думал, утром удастся выведать про ящик. Вот и...»

Он проверил ящики стола, перелистал какие-то бумажки, исписанные неграмотными каракулями про то, как «Ванька ругался плохо про жисть в деревне...». Ключа от сейфа нигде не было.

«Не взял же он его с собой в побег», – подумал Машковский.

Он ещё раз тщательно осмотрел подоконники и стол. Ключа не было и тут. Тогда резко стукнул по столешнице. Внутри гулко и едва слышно тукнуло. Машковский лезвием складного ножа снял столешницу с шипов. Между ней и пыльной поверхностью тумбы лежал завернутый в тряпочку ключ.

«Секреты у вас детские», – довольный собой, подумал Машковский.

Но и сейф его ничем особенно не порадовал. Он нашел здесь четыре папочки с личными делами членов группы и недописанную докладную сотрудица УРЧ Станислава Малашицкого: «...из разговора с пьяным... остатки древнего клада разбойников-панков... Карельский остров... золотые монеты царской чеканки...»

Вникать в написанное ныне покойным коллегой не хотелось.

«Как бы мне эти ваши разбойничьи клады божком не вышли...»

Тревога всё больше овладевала Машковским. Время шло к вечеру, а известий не было. И погона не возвращалась, и молчал телефон. Лагерь, между тем, жил своей жизнью, будто ничего не произошло. Да и то, что тут такого необычного? Ну, убежали очередные, самые нетерпеливые, авось поймут. У нас ударная стройка, и сам товарищ Сталин следит за темпами!

К ночи за Машковским прибежал боец охраны:

– Гражданин Машковский, вас начальник кличет, погоня вернулась.

Возле вахты в свете прожектора он увидел неровный строй из усталых и грязных бойцов взвода охраны. Рядом на земле, прикрытые шинелями, лежали три тела. Из-под небрежно накиннутых шинелей виднелись грязные и мокрые сапоги. Еще три тела, ничем не покрытые, лежали поодаль у ворот.

– Докладывайте! – приказал Машковский.

Командир взвода, видно, бывший военный, вышел на шаг из строя и отрапортовал:

– Группу настигли у самой «мурманки». У них дрезина в двух километрах заглохла. Пока они

пешем шли, и мы тут. Но раньше у разъезда их встретил патруль на дрезине. Патруль думал, что, как всегда, зэки без оружия идут, с ножичками одними, а у них пять винтов, ну и дали, и весь патруль, – а их три человека, – на насыпи прямо и побили. Мы сзади нажали. Нас больше, и то троих вон потеряли. А те двое ушли.

– Как ушли? Почему прекратили преследование?

– Так ведь темнота, гражданин начальник. Лес кромешный. Теперь по свету надо, иначе всех положат. Стреляют-то хорошо...

– Была ли поклажа, вещмешки какие или что-то ещё? Какое оружие применялось?

– Били с винтовок, да ещё револьвер. А поклажа была, да. Один большой зелёный ящик за собой волок. Мы бьём, а он волокёт. Мы бьём, он пригибается, падает и всё одно волокёт...

Машковский приказал отдыхать и готовиться к выступлению утром. Сам пошел в штаб.

«Уйдут, – засело в голове. – Эти точно уйдут. У них карта, оружие, опыт. Никольский лучше преследователей знает, где его будут ждать, и сумеет такие места обойти. А погода ему только на руку».

Погода была замечательная. Ясная, чистая ночь с громадной лампой луны на небосклоне. Добрый морозец схватил корочкой оттаявшую за день снежную корку. В такую ночь только бежать и бежать.

«Нужно придумать что-то неожиданное, – вдруг подумалось ему. – Какое-то нетривиальное решение. Охотник! Да, охотник! Нужен быстрый, сильный, смелый охотник-одиночка. Рейнджер. Он пойдёт по следу как гончая, настигнет и покарает! Да, мне нужен такой охотник».

Машковский вернулся в помещенье караула. Сбежали за начальником. Мятый, невыспавшийся украинец прибежал, на ходу натягивая гимнастёрку.

– Скажите, есть ли среди лагерного контингента человек бывалый, скажем, охотник, диверсант или... Вы меня понимаете?

Украинец хлопал глазами и пытался сообразить. Со сна получалось плохо.

– Да они тут все диверсанты, мать их...

– Я не в том смысле. Подумайте.

Начальник ВОХРЫ наконец пришел в себя, успокоился.

– Понимаю вас, гражданин начальник. Но в этом смысле мы не поможем. Оне ведь от нас ховаются. Такое дело подлое, что им не хвастают. Тут надо к уркам: это по их части.

– А где урки?

– Да везде. В кого ни ткни, всё в урку попадётся. А главный у них Костя-капитан. Тот в БУРе. Не работает, собака, так мы его там держим.

Часть четвёртая

ОХОТА

1

Барак усиленного режима, в который поселяли заключённых, что не хотели работать, филонов, а также разного рода злостных нарушителей лагерного режима, располагался на территории городка, но как бы на отшибе. Обитателям БУРа свободное хождение запрещено, тут проволока, часовой. И баки с кормёжкой доставляли прямо сюда, что давало повод гордиться, мол, мы даже в столовую не ходим, сюда несут.

Машковский рванул дверь. В нос шибануло крепким настоем кислых портянок, несвежего белья и немывтых тел. Скорым шагом прошел мимо общего стола длиной в полбарака, мимо раскалённой печи, сваренной из 200-литровой железной бочки, и прямо в угол, где одеялами выгорожен закуток. В таких закутках обитают бригады, паханы и прочая лагерная блатная братия.

Машковский отвернул край одеяла. За небольшим столом, крытым чистой белой скатёркой, сидели пятеро заключённых и играли в карты. «Шестёрка» только что заварил чифир – жестяная банка парила на краю стола. Тут же стайкой белели вымытые кружки. Машковский аккуратно отодвинул ближайшего заключённого, тщедушного мужичонку в линялой майке, не спеша присел на скамейку и тихим голосом попросил плеснуть немного и ему.

– Вот она, служба, – с наигранным восхищением сказал Костя-капитан. – Ночь на дворе, народ отдыхает, а начальник работает. Всё покою нет.

Машковский глотнул чифиря: горло опалило чувовищной горечью.

– Да, – ответил мирно. – Есть дела, а есть делишки. Делишки можно отложить на завтра, а вот дела...

Он помолчал, а потом предложил Косте-капитану:

– Отпусти людей, пусть отдохнут. У меня к тебе разговор серьёзный.

– У меня от братвы секретов нету. Говори здесь.

– У тебя, может, и нету, а у меня есть.

Снова помолчали. Машковский больше к кружке не притрагивался: хватало одного раза. Костя-капитан думал, как сохранить лицо. Соглашаться с чекистом сразу и ронять авторитет было запахло. С другой стороны – сам пришел, оказал уважение и за горло не хватает...

– Ни ты из тепла на мороз не хочешь, ни я. К тому же попки станут прикладами тут греметь, людей побудят...

Костя-капитан чуть качнул головой, и компания тихо удалилась, аккуратно заправив за собой одеяла. Машковский помолчал, глядя на блатного по-доброму, безо всякой угрозы.

– Для хорошего дела мне нужен один человек, – тихо сказал Косте. – Но особый: охотник либо удалой. Слышал, наверное, люди прошлой ночью с зоны соскочили. Вроде бы и ладно – может, дойдут куда: закон – тайга, медведь – хозяин. Но взяли чужое, очень важное взяли. Нужно догнать и взятое вернуть.

– Так ведь целый взвод ходил. Догнали, народ болтает.

– На воле остались двое, и первый твой знакомый Никольский. Знаю, ты тоже его не любишь. Так что скажи, есть такой человек на примете?

– Дай, начальник, подумать. Наши всё вокруг барачков вертятся, их за километры по болоту не пустишь – моща не та. Да и с оружием... Нет, у нас нету.

Машковский встал, собрался идти. Что тут лясать точить с этим блатным, всё толку никакого нет. Но Костя остановил:

– Постой, постой, начальник, не гони вороных, а то успеешь. Знаю такого. Но не наш, сразу говорю. Он тут в лагере с самого начала. Раз наехали на него, хотели приручить, да куда там: крут оказался. Кроушку пустил – мама не горюй! Отступились и больше не трогали.

– Кто таков?

– А кузнец. Тарусов Михаил, Сидорыч по бабюшке кличут.

2

Машковский скорым шагом направился в штаб. Там разбудил дежурного, вызвали начальника УРЧ, и тот, сшибая стулья, бросился искать личное дело Тарусова. Машковский заперся в кабинете Никольского и открыл серую, обтрёпанную по краям папку.

Протоколы допросов, дополнительные пояснения, запросы на места и в архивы, справки, докладные стукачей, письма... Из разношерстного лагерно-бюрократического добра понемногу стала вырисовываться жизнь человека. Он узнал, что Тарусов, сорока лет, из потомственных казаков, живущих на границе с Северным Кавказом. Дед участвовал в Крымской войне, был в первой линии в знаменитом рейде на Малаховом кургане в ночь на 28 ноября 1855 года под Севастополем.

Отец погиб на турецкой войне, попал с товарищами в засаду, из которой выбрались только трое из десяти.

И сам Михаил Сидорович оказался не промах. В 21 год призван на военную службу в 4-й батальон 2-й Кубанской пластунской бригады генерала Гулыги и сразу же попал в бой. В рубке под Сарыкамышем в ночь на 16 декабря 1914 года 300 пластунов положили 800 турок. В плен никого не брали. Исключение сделали только для офицеров штаба турецкой пехотной дивизии – оставили им жизнь. За этот бой Михаил Тарусов получил Георгиевский крест и звание подхорунжего, перескочив сразу через три воинских звания (приказной, урядник, вахмистр). Войсками командовал тогда генерал Юденич. К Юденичу пришел Тарусов и в Гражданскую.

В 1929 году арестован как офицер-белогвардеец и кулак. 10 лет лагерей. Отбывал на Соловках. В 1930 году семья вымерла по причине голода. В лагере вёл себя тихо, работал хорошо, в антисоветских разговорах и предосудительных действиях не замечен.

«Да, – подумал Машковский. – Настоящий боец! Этот справится, я уверен».

Ему было интересно, кто же таков пластун. В роду Тарусовых все мужчины были пластунами, а он никогда не слышал такого слова. Но чтобы узнать это, нужно было дождаться утра.

Чуть рассвело, он пошел к Тарусову. Кузнец стоял возле кузни с непокрытой головой и смотрел на восток долгим взглядом. На востоке занималась заря, и голая каменная пустыня за лагерным городком, унылая и суровая в своей неприютности, помаленьку окрашивалась алым.

Парнишка-подручный растопил горн, и на пыляющих углях с самого края уже пыхал носиком мятый закопченный чайник.

– Хозяин, чайку не нальёшь? – обратился он к кузнецу, опустив приветствие.

Кузнец с удивлением посмотрел на Машковского и молча показал рукой на верстак, где стояли две кружки. Тут же на обрывке газеты «Перековка» лежали кусочки колотого сахара и пара ломтей хлеба от вчерашнего ужина.

– Надо что? – спросил Тарусов, когда они выпили по глотку крепкого свежего чаю.

– Узнать хочу, – весело отозвался Машковский. – Кто такой пластун?

Машковский заметил, как разом подобрался кузнец, как напрягся телом и посуровел лицом. «Дело моё читал, – понял он. – Подбирается. Что ему ещё?»

– Пластун – бедный человек. У него нет денег даже на лошадь. Пеший казак.

– И только?

– А что ещё? Да и нету больше никаких пластунов, кончились. И казаков нету. Мы все теперь... Как там, Ваня, в «Перековке» писали, – советские люди. Одна дружная семья народов. Только одни уже перековались, а другие не успели.

Кузнец опрокинул на газету пустую кружку вверх дном.

– Давай, Ваня, закладывай заготовку в огонь. Нам наряд выполнять надо.

– Постой, Михаил Сидорович, – остановил кузнеца Машковский. – У меня к тебе важное дело. Через полчаса жду в штабе. Пусть Ваня тебя подменит.

3

Приход московского чекиста смутил Тарусова. Ничего плохого он за собой не числил, а потому не мог взять в толк, что ему надо. Может, какая-то ниточка тянется от этих бандюганов Никольского? Так нет, ничего их не связывало. Или гибель интеллигента из УРЧ, о котором заключённые с уверенностью говорили, будто его убили по приказу отделенческого уполномоченного чекиста? Так мало ли народу в лагере гибнет почти каждый день, он-то тут при чём.

«Ишь, – ухмылялся кузнец. – Пластун его заинтересовал! Я и слово-то это почти десять лет как забыл. Пластун...»

И в памяти возникли горы у Бардусского перевала, и шоссе на Сарыкамыш, за которым залегли турки, когда им дали по зубам казаки. И мороз под тридцать градусов, и снег по пояс. Лежать нельзя, и четвёртый батальон бросили в контратаку. А туркам некуда деться: скатиться с гор они скатились, а забраться обратно как?

Ух, что же там было – в снегу и совершенной темноте! Хрип, вой, выстрелы в упор, звяк шашек, стоны раненых и предсмертный, беспомощный визг умирающих...

Кузнец вспомнил, как выручил урядник их сотни, насадил на штык здорового турка, дотянувшись через его спину в мощном броске. У Михаила застряла в снегу нога, он упал на колени и тут получил бы кривой турецкой саблей по голове. А урядник... Как он благодарен ему до сих пор.

Он был молод тогда, очень силен и излишне горяч. И это был первый его бой. И какой бой! Пластуны... Никогда тебе не узнать, паря, кто такие пластуны. Пластунов отцы растят с младенчества, в пластуны выбирают построже, чем в ваши партячейки.

Так думал Тарусов, неспешно шагая в сторону

отделенческого штаба. Конечно, он знал и про побег, и про преследование, как знали все. И про группу, что шмонала деревни старообрядцев по приказу Никольского. Что можно скрыть в лагере от заключённого?

А сейчас он был доволен этим неожиданным и мимолётным возвращением в прошлое. На минуту почувствовал привычные когда-то ремни на плечах, тупой стук ножен у левого сапога и тяжесть кинжала на поясе.

«Эх, было и прошло. Как всё-таки хорошо!»

И прибавил шагу.

Машковский ждал Тарусова в кабинете Никольского. Лагерное личное «дело» кузнеца он убрал в ящик, чтоб не отвлекало в прошлое. Теперь это было неинтересно.

Кузнец вошел, сел на предложенный стул возле стола и вопросительно посмотрел на чекиста. Четыре последних года своей жизни он прожил в качестве советского заключённого. Этого срока обычно хватает, чтобы уяснить простую истину: в кабинеты начальников зовут не для того, чтобы задавал вопросы ты. Совсем наоборот.

– Спасибо за чай, Михаил Сидорович, – начал Машковский. – В столовой такой не подадут. С утра хорошо взбодриться.

– Был бы человек, а чаю завсегда добудем, – тихо ответил кузнец, давно отвыкший от обращения по имени-отчеству. Он был просто зэк со статьёй №58 УК РСФСР о контрреволюционных преступлениях против советского государства. И ему не давали об этом позабыть.

Они снова замолчали.

– Очень важное у меня предложение к вам. Давайте обсудим. Сутки назад из лагеря совершила побег группа вооруженных преступников. Трех вчера застрелили во время преследования, двое ушли. Ну ушли бы и ушли, но они захватили документы, имеющие важную государственную тайну. Нужно их догнать и документы вернуть. Что вы думаете на этот счёт?

– Ничего не думаю. Что я могу думать? Взвод не догнал, а я догоню, что ли? Есть охрана, их кормят, поят, одевают. Нехай и бегают.

– Взвод с рассветом уже ушел. Но...

Машковский помолчал и жестко добавил:

– ...не догонит. Понимаете, Михаил Сидорович, тут случай особый. Они хорошо вооружены, имеют карту, навыки хождения, запас еды. Прошло больше суток. Нужно не бегать за ними, а выбрать место впереди и встретить. Простой вохровец на это не способен, хоть всех их туда отправь. Тут нужен пластун...

«Опять он за этого пластуна», – Тарусов молча слушал и думал о чём-то своём. Он казался Машковскому безучастным, инертным, да и вид его весь, затрапезный, серый и неприметный, начинал раздражать. «Про того ли бойца я читал в деле, – сомневался Машковский. – Где этот огонь, где удаль? Даже намёков нет. Сварился, что ли, совсем в лагере?»

– У вас карта есть? – неожиданно попросил Тарусов.

Машковский расстелил карту района и стал показывать на ней, где была стычка, куда ведут дороги, расположение озёр.

– Не нужно, – остановил его кузнец. – Мы карте обучены.

Он поводил заскоружлым чёрным пальцем, что-то промышчал в усы и задумался.

– Они ведь пошли вокруг Сегозера слева, тут и дорога есть. А дальше... Обрисуйте, что у них с собой: оружие, груз...

Машковский рассказал о винтовках, нагане и ящике.

– Тяжело. Машину захватят либо подводу. И сегодня к ночи могут быть в Паданах. А там не достанешь.

– Что же делать?

– Вот здесь, – кузнец ткнул пальцем в карту за Евгорой у Сунозера, – мне нужно быть раньше их.

– Почему же здесь? И вот тут место хорошее, и тут узость...

– Я бы пошел здесь. И они пойдут...

Легко сказать «быть раньше». Самолёта у него нет. «Самолёт, самолёт...» Машковский вспомнил слова Никольского, что в некоторых крупных лагерных пунктах охрана имеет свои аэросани. Когда-то пограничники перехватили группу финских разведчиков, прорвавшуюся через границу на таких санях. Сани с самолётным винтом в мастерских Беломорстроя разобрали, изучили и построили несколько точных копий. Они несовершенно, часто ломаются, да и механиков хороших не хватает, но это был шанс.

Машковский поднял трубку телефона и попросил коммутатор соединить с Великой Губой. В посёлке на самом берегу Сегозера принимали со сплава плоты и отгружали древесину на железнодорожную станцию Масельгская.

Великая Губа ответила, и Машковский спросил про сани. «Да, есть, – ответили уныло. – Но не на ходу, ремонтируем».

– Сейчас 9 часов, – строго сказал Машковский в трубку. – К вам выезжает наш сотрудник. К 12 часам ремонт должен быть закончен. Сани с механиком и двумя бойцами поступают в его распоряжение. Под вашу личную ответственность.

– Не нужно бойцов, – сказал кузнец. – Одни хлопоты с них.

Машковский взял чистый лист бумаги и написал: «Податель сего является... выполняет секретное задание... оказывать всяческое содействие...» Бумагу с картой кузнец сунул в шапку. Они прошли в караулку, и Машковский предложил Тарусову выбрать оружие. Выбирать, собственно, было не из чего: винтовка, короткий карабин да револьвер. Кузнец выбирал долго. Он ощупывал каждое ложе, словно мать родное дитя или как слепой вещь, что у него в ходу от рождения. Внимательно смотрел на пенёк мушки, трогал прицельную планку – нет ли люфта, не сбита ли неудачным падением; плавно переводил затвор, заглядывая в патронник – не видно ли коррозионной ржи.

Наконец Тарусов выбрал винтовку со штыком, взял в горсть две-три обоймы с патронами, и они вышли.

– Зачем тебе штык, Михаил Сидорович? – спросил Машковский. – Только лишний вес таскать.

– Штык, он не только для бою, – гражданин начальник, – ответил кузнец. – Он и для балансу утверждён. Со штыком стрельба точнее будет.

Машковский удивился: он никогда не слышал об этом. Даже на закрытых для чужого уха курсах, где его учили самые умные на свете преподаватели и инструкторы.

– Мне бы стрельнуть пару раз, – попросил кузнец. – Надо к винту принохаться.

Они вышли за ворота, поставили на камень рванный башмак, что валялся на дороге, и кузнец дал первый выстрел. Башмак упал.

– Низит немного...

Он выстрелил ещё раз, и снова пробитый башмак свалился на дорогу.

– Лады, – пробурчал довольный кузнец.

В комсоставской столовой Машковский взял буханку хлеба, пару луковиц и шмат сала, завернул в чистую тряпицу и уложил в солдатский вещмешок. Туда же хотел положить запасные обоймы, но кузнец не дал, сунул в карман. В кузнице Михаил Сидорович вынул из-под стрехи длинный кинжал в ножнах. Машковский никогда не видел таких: отполированная поверхность клинка отсвечивала будто зеркальная...

– Год работал, – с гордостью сказал Тарусов. – Цельный год.

У ворот лагеря Машковский приостановился и тихо сказал:

– Ты должен понимать, казак, что на кону твоя и моя судьба. Мне потерю ящика не простят, ну и

тебе жизни не будет – лучше не возвращайся. В живых не оставляй никого, не заслуживают они. Ящик доставь лично мне.

И долго смотрел, как заводят дрезину, как она, неуклюже шатаясь на неровностях рельсового пути, набирает ход. «Часа через три должен быть в Великой Губе, – подумал Машковский. – И ещё час-полтора уйдёт на озеро».

Времени у них оставалось совсем мало.

4

Пока Тарусова мотало в дрезине, он думал о неожиданном повороте судьбы, что свершился в его жизни только что, каких-то час-полтора назад. И было неловко признаться самому себе, что поворот этот ему нравится. Руку холодила студёная тяжесть винтовки, такой привычной в прежние годы, а под бушлатом ощущал жесткое ребро кинжала. Это придавало уверенности. Только тот, кто за долгие годы так сроднится с оружием, как роднятся в долгих походах казаки или солдаты, мог понять его чувства. Будто что-то важное сошлось воедино, и эта полнота наполняет душу тихой радостью и счастьем. «Чего мне ещё не хватает, – думал он. – Рвану теперь куда захочу – кто остановит?»

Тут же пришла другая мысль: а куда бежать и зачем? Чтобы прятаться всякой тени? Он отогнал думу о побеге. «От себя не убежишь, – решил он. – Я ещё послужу, коли пригодился. А там посмотрим».

Дежурный на 14-м разъезде перевёл стрелку на главный путь «мурманки» и прокричал в ухо машинисту: «Через сорок минут пройдёт товарный. Ты проскочи до Масельгской ходом. Только не останавливайся».

В Масельгской загнали дрезину в тупичок, где Тарусова уже ждал патрульный разъезд из двух конных. Поводья третьей лошади кинули Тарусову. Он поправил винтовку за спиной и сел в седло. И снова тело запело от радости: как давно он не сидел в седле! Как всё-таки это было давно!

Аэросани шли по льду споро, но рёв от мотора оказался невыносимый. Тарусову это не нравилось, он страдал: с таким шумом на дело не ходят. На подходе к берегу тронул механика за плечо. Они остановились и сверились по карте. В нескольких километрах за деревушкой Евгора дорога выходила прямо на озёрный берег. Мыс здесь крут настолько, что путник оказывается на ровном, просматриваемом месте неожиданно для себя самого. И обойти невозможно: два озерца посреди огромного болота слева делали этот обход почти невозможным.

Тарусов сошел километра за два от берега. Он указал механику на небольшой островок: «Езжай в Паданы и жди. Запалю здесь костёр, тогда приедешь». «Сколько ждать?» – спросил механик. «Не знаю. Наверное, до завтра». Аэросани умчались вдоль береговой линии в село, а он остался на льду. В ушах стоял рёв, будто водопад гремел. Тарусов присел на корточки и сидел так несколько минут, чтобы уши привыкли к тишине.

За паданской дорогой он сделал петлю километра на полтора к югу и теперь был спокоен: если и проходить к границе, то только здесь. Сама дорога оказалась малоезженная: пара машин, скорее пограничных, прошла за сутки, не больше. Конных следов не было вовсе.

«На военные машины они нападать не станут, не дураки, а другого транспорта и пеших следов нет. Значит, надо ждать», – решил он.

Он выбрал сопочку, с которой хорошо просматривалась дорога и редкий лесок по обочинам, а на макушке угадал место для своей лёжки. Когда-то тут рубили лес, а теперь поднялся мелкий сосняк. Спрятаться в таком лесу невозможно. На мох настелил лапника, подрезал нижние ветви ближайших кустов, а сверху устроил наподобие шалашика – на тот случай, если вдруг посыплет снежок.

Теперь, когда всё было готово, достал хлеб, луковицу и сало и закусил, отрезая по маленькому ломтику то одного, то другого. Сколько ждать? Он об этом не думал. Сколько надо. Он помнил сызмальства: умение выждать – главная добродетель.

К ночи подморозило. Винтовочный ствол на мху, будто крахмалом, обсыпало крупной белой изморози. Тарусов согрелся, поочерёдно напрягая мышцы, вначале снизу вверх: ног, живота, груди и рук, а потом в обратном порядке – раз за разом, раз за разом. Когда становилось чуть потеплее, отдыхал и затем начинал снова.

Иногда в дремотном видении к нему приходила мать. Всякий раз картина повторялась. Будто они с отцом возвращаются из похода, а она стоит у тына – такая загорелая, молодая, весёлая. Отец только свесится, бывало, с седла, слегка приобнимет мать и тронет коня дальше, до крыльца. А он обязательно спрыгнет на землю и прижмёт её к груди, тёплую и родную. Мама никогда не плакала при встрече, как другие, только светилась тихим женским счастьем.

С десяти лет отец начал брать его в походы. «Механоша» – называли таких сыновей в станице – отцовых помощников. Ух, и трудна эта пластунская наука! Спервоначала-то на тебе костёр да каша, а потом... Что такое «стрельба на хруст», «волчья пасть» или «лисий хвост»? Эти пластунские сек-

ретные приёмы нужно было не только понять, но усвоить и показать своё понятие. А проверяльщики-то были ох, ох, ох!

Тарусов вспомнил, как уже опытного и, как ему казалось, ко всему готового в 20 лет, его проверил отец. Они шли степью, и на одном из курганов отец предложил вроде в шутку:

– Оставайся, слушай сакму, а я уйду туда, – он показал в сторону станичной окраины. – А выйду у тебя за спиной.

Ему и сейчас стыдно за тогдашнюю свою молодую самоуверенность.

– Не выйдешь. Как тут выйти – всё как на ладони...

Отец ускакал, а через полчаса на него налетел станичный табун. Скакали кони, стоял топот сотен копыт, а он никак не мог взять в толк, с чего бы табуну лететь в неурочный час и кто его спугнул. Так стоял, пока сзади не услышал голос отца.

– Что стоишь, пластун хренов! Мать к ужину ждёт...

«Ничего нет случайного в нашей войне, – говорил ему отец. – Думай, думай и думай». Сколько раз помогала отцова наука, если и не побеждать, так оставаться живым. Вот и сейчас он «слушал сакму» – ждал в засаде врага. И, как прежде, лёгкое волнение бродило в крови.

Под утро, когда почти рассвело, услышал далёкий шум тележных колёс на промороженной дороге. Шум приближался. Уже и гулкий тук лошадиных ног различался явственно. Он смахнул рукавом крупу с винтовочного ствола, лёг поудобнее и расслабился. Похоже, наступил его час.

На телеге он увидел четверых. На передке сидел пожилой мужик со связанными впереди руками. Вожжами управляла женщина рядом. Сзади, опершись на зелёный ящик на самом конце телеги, полужёла сидели двое. Они держались по-хозяйски, вольно, на коленях у каждого лежала винтовка.

«Конь хозяйский, не боевой, выстрела испугается и понесёт, – рассчитывал ситуацию Тарусов. – Второй раз стрелять придётся вдгон». Но получилось иначе. Конь остановился, взвился от неожиданности на дыбы, аж оглобли задрались к небу, и рванул в галоп, унося с собой связанного мужика и женщину. Ящик и этот второй с винтовкой свалились на дорогу вслед за убитым. В следующую минуту, стоя на коленях, второй крутил головой: пытался понять, откуда стреляли. Сообразил, упал за ящик и открыл огонь по сопочке.

«Ну, постреляй, постреляй, – подумал Тарусов. – Я помогу».

Он положил вещмешок на шалашик так, чтобы виден был с дороги, и отполз вниз по склону к са-

мому основанию сопочки. Потом стремительно переместился влево к дороге и залёг на бровке. Отсюда он видел не только ящик, но и торчащие ноги в сапогах, и даже место, на котором только что сидел их обладатель.

Второй бандит из-за ящика продолжал раз за разом пулять по сопочке, целя, видимо, в вещмешок кузнеца. Но ответных выстрелов не было. И он осмелел, приподнялся, потом встал и задом, задом, держа винтовку наизготовку, стал отступать к придорожным кустам. И как только дошел и повернулся, чтобы нырнуть в кусты, Тарусов ударил его между лопаток...

Ящик в трёх местах оказался окован светлой металлической полоской и снабжен бумагой с печатью уполномоченного НКВД второго Отделения БелБалтЛага. Бумагу узкой лентой приклеили так, как опечатывают дверь в квартиру арестованного: незаметно не откроешь. Чтобы удобнее нести, к ящику приторочили лямки от солдатского вещмешка.

Тарусов взял удостоверение Никольского, наган и пухлую полевую сумку. В нагрудном кармане подельника нашел командировочное удостоверение в погранзону, срок которого истекал завтра. Он взвалил всё это трофейное добро на себя, подцепил на руку три винтовки и помаленьку пошел к дальнему островку на озере.

5

Машковский встретил кузнеца у ворот лагеря хмурый и чем-то озабоченный.

– Спасибо тебе, Михаил Сидорович, выручил.

Когда суета вохровцев вокруг трофеев стихла и они остались у ворот одни, Машковский добавил:

– Я до ночи съезжу в Медвежку, а ночью у нас ещё одно дело. Я приду. Жди.

Тарусов нащупал под бушлатом спрятанный от лагерной охраны кинжал и пошел в кузницу. Он хотел горячего чая. Он привык к нему за годы жизни в этой стылой и неприятной Карелии. Никакие дела его больше не интересовали.

Кузнец не знал, не мог знать, что, пока ходил в рейд за Сегозеро, с Машковским случилась непоправимая беда...

После обеда Машковского вызвали в штаб к телефону. Дежурный доложил:

– Звонили с Лубянки. Очень важно. Просят быть у аппарата через полчаса.

Машковский приказал переключить вызов на кабинет Никольского и запер двери. «Что всё это может значить? – думал он. – Срочно отзывают в

Москву? Новая загранкомандировка? Или что-то с отцом?»

В трубке услышал знакомый голос. Звонил Паша Суржицкий:

– Володя, слушай внимательно, времени у меня нет, – в голосе однокурсника звенела тревога. – Слуцкий умер, отравлен, комиссар второго ранга арестован... – Паша замолчал, подбирая слова. – И ещё. Твой отец с мачехой у нас. Принято решение за тобой не посылать, ждешь в Москве. Это всё. Володя, хорошенько подумай, прошу тебя...

Он хотел переспросить, возмутиться: как это отравлен, как это арестован?! Вот так просто: начальник Иностранного отдела и руководитель всей госбезопасности страны? Почему схвачен отец? За что арестована молодая аспирантка?

Но спрашивать и возмущаться было поздно: в трубке исходил треском коммутатор.

Такого удара он ожидать не мог! Никак не мог...

Машковский вышел из штаба и стал бродить вдоль лагерного периметра, пытаясь прийти в себя, собраться с мыслями.

«Кто же я теперь? – размышлял он. – Пособник бандитов! Да, именно пособник. Они тут грабили, а я приехал забрать награбленное. Договорились заранее. Только одного этого достаточно, чтобы утопить всех – и комиссара, и себя, и отца. И я ничего и никому не докажу. Это конец...»

Нужно уходить за границу, пришла неожиданная мысль. Спрятать ящик до поры и уходить. Но куда спрятать?

Он не заметил, как вышел за ворота и оказался возле стройки. Работы завершались, и хотя пропагандистский шум прошёл, сделать предстояло ещё много: работали круглосуточно. Внизу у подножья будущего шлюза услышал громкий разговор. Кто-то кого-то увещевал, затем увещевания переходили в крик, сдобренный крепкими словами.

Машковский заглянул вниз. Начальник смены распекал бригадира бетонщиков за брак. Они стояли возле странно изогнутой громадной трубы из бетона. Труба начиналась у основания и уходила в другой котлован, что был ещё ниже первого. Машковский спустился по трапам и подошел.

– Смотрите, гражданин начальник, что делают! – кричал начальник смены. – Мы ему ударника хотим дать, а он...

На стенке трубы виднелась большая раковина-каверна. Видно, опалубку сколотили небрежно и бетон просто вытек. Сменный взял черенок лопаты, просунул в каверну и дна не достал. Бросил черенок наземь и снова заорал:

– Собака, саботажник, филон! По твоей милос-

ти ещё три дня ждать, пока бетон схватится! Сроки... темпы... да я... да мы...

Машковский попросил пояснить назначение трубы. Сменный успокоился и рассказал, что это водопроводная галерея. Вода по ней пойдёт из одной камеры в другую. А проблема состоит в том, что отремонтировать её почти невозможно: и верхний и нижний концы всегда под водой, не доберёшься.

«Вот, вот где нужно спрятать ящик, – сразу решил он. – Да, только здесь».

Он приказал сменному подобрать трёх толковых бетонщиков с инструментом для работы в ночную смену. И найти прочную чугунную плиту, которую замуруют в качестве крышки, чтобы наверняка устранить это безобразие.

– Я приду и проконтролирую работу лично, – сказал он начальнику смены.

Среди ночи кто-то легонько тронул кузнеца за плечо.

– Вставай, Михаил Сидорович...

Кузнец в барак не уходил. Различные штурмы, прорывы и декадни на строительстве были обычным явлением, и кузнец мог понадобиться и в ночь, и за полночь. Рядом имелась крохотная пристройка с топчаном и столиком, там и спал.

Кузнец поднялся, затеплил лампу.

Машковский расстегнул полевую сумку и достал бумаги. Он выложил на столик новенький паспорт на имя Тарусова Михаила Сидоровича и удостоверение ударника Белморстроя с красной полосой по диагонали на то же имя. Сверху положил тяжёлый рубиновый знак в виде флага. Затем развернул отпечатанный на машинке лист и прочитал: «...подлежит досрочному освобождению с восстановлением в гражданских правах в связи с зачётом рабочих дней и ударной работой...»

На другом листе значилось, что Тарусов М. С. назначается на должность кузнеца 5-го разряда в качестве вольнонаёмного с окладом содержания согласно штатному расписанию. Здесь же была приписка: «по завершении работ по строительству объекта передаётся в штат шлюза №... для продолжения работы в той же должности».

Последняя бумажка из сумки Машковского и вовсе чуть не добила кузнеца: «За ударный труд премировать кузнеца Тарусова М. С. кожаными сапогами и отрезом на костюм на общую сумму...»

– Документы сам отнесёшь в штаб завтра с утра, – строго сказал Машковский, чтобы привести в чувство оторопевшего кузнеца, душа которого ликовала. – Скажешь, я приказал. А теперь пойдём.

Они вынесли ящик и тихо прошли на объект. Возле галереи крутились трое рабочих, а в раст-

ворном ящике уже парил и перекачивался густыми волнами готовый раствор. Машковский спустился в котлован:

– Где чугунная крышка? Подогнали?

Чугунина была готова: она входила в углубление так, что оставалось место, чтобы положить слой прочного бетона сверху. Машковский приказал всем троим идти в барак на полчаса, погреться. А потом сразу сюда. Затем с Тарусовым они взошли по узкому трапу в гулкую черноту галереи. Неровные сполохи света от горящего полена метались по бетонным стенам гигантской бездонной трубы. Они аккуратно вставили ящик в каверну и закрыли чугунной пластиной.

Вот и ладно...

Выбравшись наружу, оба облегченно вздохнули и присели на брёвна. Ночной небосвод распростёр над ними свой иссиня-чёрный и высокий купол. Майские звёзды мерцали в вышине, суля на завтра добрую ясную погоду, которую так ждёшь поздней весной, намаявшись в бесконечной зимней стыни. И отчего-то щемило сердце, как щемит редко и только от большой потери.

– Рано утром уйду: получил приказ, – сказал Машковский. – Ящик пока остаётся, и ты, Михаил Сидорович, при нём караульным. Ни при каких обстоятельствах не оставляй его без догляда. Ты казак и приказ понимаешь. А я приду, жди.

Рано утром в каморке, собираясь в штаб, кузнец услышал, как затарахтела раздолбанным движком лагерная дрезина. Он вышел. Дрезина успела отойти далеко, к самому лесу. Пластуну она казалась теперь маленькой степной полёвкой, что бежит-бежит куда-то по своим маленьким и очень важным делам и нет ей ни до кого дела.

Вместо эпилога

ПАТРИОТ ШЛЮЗА

Настоящим патриотом шлюза считают на канале старейшего работника, почётного ветерана ББК Тарусова Михаила Сидоровича. Из семьи репрессированных, он трудится на судходной трассе уже полвека. Молодым кузнецом начинал он трудовой путь, пройдя все этапы реконструкции и модернизации трассы и передавая своё мастерство молодым рабочим.

Тарусов М.С. оставался на рабочем посту и в суровую годину войны. Старожилы рассказывают, что однажды в одиночку, вооруженный только охотничьим ружьём, он сумел целый час держать оборону от группы диверсантов, пробравшихся

на территорию гидросооружения. Подоспевшие бойцы полка охраны НКВД обезвредили группу. В ней оказались финны и даже один шведский офицер. Все они имели взрывчатку и намеревались взорвать галереи шлюза.

И в трудные годы послевоенного восстановления Тарусов М. С. всегда был вместе с коллективом. Профсоюзные активисты в шутку жалуются, что ветеран систематически нарушает трудовой кодекс – он ни разу не воспользовался предложенной путёвкой в санатории и дома отдыха и даже если и выходил в отпуск, то всегда оставался на шлюзе, отдавая всё своё время любимому увлечению – рыбалке.

В эти дни ветеран вместе с каналом празднует юбилей. Правда, каналу исполняется только полвека, тогда как Тарусову М.С. все 90. Поздравляем Михаила Сидоровича и желаем ему, как и прежде, оставаться на своём боевом посту!

(Газета «Водник Карелии», 1983 год, №24)

ШВЕДСКИЙ КОНЦЕРН НАМЕРЕН ИНВЕСТИРОВАТЬ В РАЗВИТИЕ РУССКОГО ПРИПОЛЯРЬЯ

Сегодня в Минтрансе Российской Федерации состоялась встреча президента крупнейшего в Северной Европе строительного концерна «МАШКОиС» (MASHKO@S) господина Машкова,

на которой обсуждались возможности крупного инвестирования в развитие транспортной инфраструктуры приарктических территорий России.

Как заявил нашему корреспонденту г-н Машков, концерн внимательно следит за планами российского правительства по экономическому и социальному развитию северного и северо-западного «фасада» России. «Мы хотели бы принять участие в этом большом и важном деле, – сказал г-н Машков. – И в качестве первого шага намерены предложить крупные инвестиции в реконструкцию Беломорско-Балтийского канала». Практически оно может выразиться в строительстве в средней Карелии крупного промышленного комплекса, который мог бы стать базой для развёртывания полномасштабных работ по реконструкции судоходной трассы.

Шведский бизнесмен с русскими корнями пояснил, почему в сферу его интересов попал именно ББК. В годы сталинского произвола его отец вынужден был оставить Родину. Весной 1933 года он работал на канале и мечтал вернуться. Здесь он хотел отыскать прежних помощников и завершить одно важное дело. Г-н Машков пояснил, что существо дела составляет семейную тайну. «Папа погиб при невыясненных обстоятельствах, и я хочу исполнить его волю».

Корр. ИТАР-ТАСС, г. Москва. 17 июня 2013 г.

Константин Васильевич ГНЕТНЕВ

родился в 1947 году,

окончил факультет журналистики

Ленинградского государственного университета

и более 30 лет работал в периодических изданиях Карелии.

Член Союза писателей России,

автор очерковых и публицистических книг,

заслуженный журналист Республики Карелия,

лауреат премии Республики Карелия

в области культуры, искусства и литературы 2008 и 2014 года.

